

В.Н. СКАЛОН — ОСНОВАТЕЛЬ ПОДГОТОВКИ СИБИРСКИХ ОХОТОВЕДОВ

В.К. Мельников

Вятская-государственная сельскохозяйственная академия

Основателем подготовки охотоведов в Иркутском сельхозинституте бесспорно является В.Н. Скалон. Именно ему принадлежит идея возрождения подготовки охотоведов в этой учебном заведении и практическая организация отделения в 1950 г. Именно он решительно отстаивал в государственных и партийных органах необходимость подготовки специалистов такого профиля — и когда в официальной номенклатуре профессий подобная специальность не значилась, и когда возникала угроза сокращения или прекращения такой подготовки, а это случалось регулярно под самыми разнообразными предложениями. И именно он постоянно убеждал руководство института и специалистов отделения в необходимости создания факультета охотоведения на его базе.

В.Н. Скалон, выдающийся сибирский охотовед, зоолог, пожизненный член американского общества управления жизнью дикой природы. Ученая степень кандидата наук ему была присвоена ВАКом в 1938 г. без защиты, по совокупности научных работ, а доктора наук — в 1946 г. Его вызвали в Высшую аттестационную комиссию СССР, так как в анкете в графе о социальном происхождении он указал — «дворянского». Было это в сороковые годы, но члены экспертного совета преодолели возникшее препятствие, не мог же он написать «из служащих или крестьян», родителей не выбирают. Могло быть хуже, как случилось с единственным начальником Главохоты РСФСР — охотоведом В.Д. Денисовым, который скрыл, что он из «духовного сословия». Кем то из доброжелателей был позднее «уличен» и, к сожалению, отстранен от должности. В.Н. Скалон — потомок обрусевших французских дворян. Один из его родственников генерал русской армии Скалон, павший в борьбе с Наполеоном. Другой Скалон, двоюродный брат деда Василия Николаевича, в конце XIX—начале XX века был Варшавским или Виленским (Вильнюс) губернатором.

В.Н. Скалон был высокоэрудированным человеком, говорившим белым стихом. Отличный лектор, он свободно разговаривал на французском и английском языках. Он отличался решительным характером, не боялся направлять предложения в ЦК, в другие органы для решения вопросов охраны природы, охотничьего хозяйства, использования природных ресурсов, подготовки охотоведов. Когда при Н.С. Хрущеве началось разрушение заповедников, он выступил в печати против этого.

На профессора как на лидера постоянно нападали из его окружения, безосновательно обвиняя его в отрицании социалистического ведения охотничьего хозяйства, а такие обвинения тогда были вовсе не безопасны. Наиболее активными в этой команде были Н.С. Свиридов, Б.Д. Клятис, В.М. Шуньков (одно время секретарь парткома), позднее к ним присоединился Л. Ситников. Отбивать политические нападки В.Н. Скалону помогал зав. кафедрой политэкономии, очень грамотный Л.И. Шимшелевич, а иногда зав. кафедрой сельхозпроизводства, доцент, бывший до 1937 г. профессором, А.М. Казанский.

В последние годы В.Н. Скалон очень много внимания уделял проблемам охраны природы. Мне тогда казалось, что он занимается не совсем своим делом. Но он видел дальше, раньше понял значение сохранения природной среды. Он всегда был против коренных преобразований, и оказался прав...

В.Н. Скалон изучал и хорошо знал историю Сибири и подготовил очень интересную книгу «Русские землепроходцы в Сибири в конце XVI—начале XVII века. В присущей ему оригинальной манере он совершенно иначе по сравнению с официальной позицией объясняет причины освоения русскими Сибири. Конечно, не только и не столько пушные богатства привлекали в этот регион. Стремление развивающихся цивилизованных для своего времени государств, располагавших современными технологиями, молодых формирующихся наций к расширению границ своей государственности было характерным для того времени. Не случайно в это время англичане, испанцы, португальцы, французы интенсивно осваивали Новый Свет и другие территории, но иными методами и с иными результатами.

Я любил Василия Николаевича за его эрудицию, язык, доброе отношение к студентам, своим ученикам. Как научный руководитель он всегда поддерживал, подбадривал, подталкивал, заражал, давал по-

лезные рекомендации и никогда не сдерживал инициативу. Он руководил научным студенческим охотоведческим кружком, прививал студентам интерес к профессии, научным исследованиям... По некоторым вопросам я иногда не соглашался с ним, но был бесконечно благодарен учителю за предложение поступить к нему в аспирантуру, за ту помощь, которую он оказывал своими добрыми советами, за то, что никогда не навязывал свою позицию в дискуссии. Он всегда говорил: «Я не оракул, могу и ошибиться. Жизнь рассудит», — и предостерегал: «Опасайся умных подлецов. Они вдвойне опасны». Так оно и есть.

В.Н. Скалон постоянно организовывал встречи студентов с известными учеными, руководителями, практиками. Мне помнятся выступления историка П.П. Хороших, начальника главхоты РФ А.В. Елисеева, председателей промысловых колхозов. Василий Николаевич обладал большой практикой, на красноречивых примерах объясняя охотоведам значение для них этнографии. Предлагал изучать языки народов Севера, готовить охотничьи словари, используя терминологию этих людей, присматриваться к их быту, обычаям, культуре. Он ездил со студентами на учебные практики, в том числе в Баргузинский заповедник.

Я часто бывал у него дома и думаю, что он оказал на меня большое влияние и как на человека, и особенно как на специалиста. На первом курсе он поручил мне сделать доклад о выдре и других околводных млекопитающих, их взаимоотношениях. Пришлось познакомиться с литературой о норке, ондатре, выхухоли. Это очень пригодилось впоследствии. Он обратил внимание на мой первый студенческий отчет о практике, который я назвал «Зеленая целина». Изложив состояние, в том числе экономическое, одного из таежных колхозов в верховьях Лены с центром в Сурово, я сделал заключение, что жить так бедно в такой богатой тайге недопустимо. Профессор сослался на мой пример в своей интересной и одной из первых сводных работ «Организация охотничьего хозяйства в Сибири» (1957), вызвавшей неоднозначные оценки. Он побудил поехать туда сотрудников института Н.М. Красного и В.М. Шунькова, выпустил брошюру об этом колхозе. А таких деревень в Иркутской области были сотни. Только в одном Киренском районе, в котором после 4-го курса я проводил собрания о переводе колхозов в промысловые хозяйства, подобных хозяйств оказалось около тридцати.

Почти все они в 60-е годы были преобразованы и вошли в состав государственных и кооперативных промысловых хозяйств, и люди стали в них жить несравненно лучше.

Не знаю почему, но меня постоянно преследует чувство не выполненного перед Василием Николаевичем долга, вины. Может быть потому, что я не всегда решительно вставал на его защиту. Потом я исправился. В этой связи мне вспоминается случай, произошедший дома у О.В. Жарова. Я пригласил председателем ГЭК декана охотфака Кировского СХИ В.Н. Дерягина, которого очень ценил и уважал. Во время встречи В.Н. Дерягин усомнился в наличии сибирской школы охотоведения и роли В.Н. Скалона. И хотя он не сказал ничего предосудительного о профессоре, но присутствовавший здесь один из первых выпускников начальник управления охотничьего хозяйства М. Григорьев решительно заявил: «Я не позволю, чтобы о моем учителе говорили плохо. Он из меня, малограмотного деревенского парня, сделал человека». Мы с хозяином в более дипломатичной форме поддержали Григорьева. Дерягин оторопел, но вскоре взял себя в руки и прекратил дискуссию, которая не оказалась для него бесследной. Когда в Кирове часть научных сотрудников ВНИИОЗ вновь вернулась к этой теме, Дерягин рассказал об этом эпизоде и предложил иначе рассматривать роль В.Н. Скалона.

Оценивая значение В.Н. Скалона в охотоведении, нельзя не признать его выдающуюся роль в развитии этого во многом оригинального отечественного направления использования ресурсов животного мира.

Особенно велика роль В.Н. Скалона в подготовке охотоведов, научных кадров в Иркутске, в формировании сибирской промысловой школы охотоведения, которую он все время отстаивал, и мы должны быть благодарны ему за это.